

Robert Kagan. Dangerous Nation: America's Place in the World from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth Century. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2006. 527 p.

В последние годы ведущие российские политики, включая президента Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова, много раз жаловались на идеологизацию и «двойные стандарты» внешней политики США, причем говорили они об этом так, будто столкнулись с совершенно новым явлением.

Взгляд Кремля на данный предмет можно сформулировать следующим образом: Россия усвоила уроки холодной войны и теперь проводит прагматичную, а не идеологизированную внешнюю политику, в то время как Соединенные Штаты эти уроки не усвоили и потому бездумно продолжают продвигать демократию в различные страны и регионы, вступая тем самым в противоречие со своими собственными интересами, если на них взглянуть с точки зрения *Realpolitik*. Но, как блестяще показывает Роберт Кейган в своей новой книге «Опасная нация: Место Америки в мире от ее ранних дней до конца XX столетия», внешняя политика, поощряющая становление либеральной демократии в других странах, не является продуктом холодной войны — это основополагающая идеология революционной Америки, восходящая еще к колониальной эре. Она, можно сказать, заложена в ДНК американской политической культуры и никуда не исчезнет в обозримом будущем, несмотря на очевидные провалы внешней политики США в Ираке и других местах. Эта американская заикленность на идеях свободы и либерализма пережила гораздо более серьезные испытания, включая разрушительную Гражданскую войну (1861–1865), вторжение британских вооруженных сил, закончивше-

ся разграблением Вашингтона в 1812 году, президентский импичмент и множество других событий.

Кейган ведет историю американской внешней политики от ее колониальных корней, от времен первых поселений колонистов до конца XIX века, когда США уже были готовы выступить в роли мировой державы. В книге, построенной по хронологическому принципу, особое внимание уделяется письменным трудам представителей политической элиты и протагонистов американского развития, прежде всего взглядам первых президентов Соединенных Штатов. Неудивительно, что первые президенты (Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Джеймс Монро, Эндрю Джэксон), а также Авраам Линкольн то и дело фигурируют в повествовании Кейгана. Возможно, российским читателям покажется особенно интересным то, что автор, трактуя события первой половины XVIII столетия, много места отводит изложению взглядов Джона Куинси Адамса, который 200 лет назад стал первым послом США в России, после чего занимал посты государственного секретаря и позже президента Соединенных Штатов, а затем долгое время — почти до начала Гражданской войны — был конгрессменом (от штата Массачусетс) и одним из лидеров Конгресса. Кейган убедительно доказывает, что противоречия между идеалистическим и реалистическим направлениями в американской внешней политике существовали изначально, и прекрасно иллюстрирует временами остро ощущаемый разрыв в восприятии роли Соединенных Штатов в мире самими американцами и другими народами.

Американская поддержка либеральных перемен в других странах началась не с недавних «цветных революций», не с плана Маршалла и даже не с Вудро Вильсона с его видением послевоенного демократического устройства мира. Она была налицо еще в первой трети XIX века, когда тогдашний госсекретарь и будущий президент США Джон Куинси Адамс в своей известной речи, произнесенной 4 июля 1821 года, превозносил добродетели американской революции наподобие «борьбы за свои права» (с. 163) и призывал народы Европы к революции, воскликнув: «Идите и делайте как мы!» Не только российский посланник в Вашингтоне, пишет Кейган, был шокирован революционным пылом Адамса — монархи Европы тоже были напуганы. В письме своему правительству в Санкт-Петербурге, отправленном вслед за речью Адамса, посол царской России с раздражением сообщал о «двойных стандартах» и вопиющем лицемерии призывов США предоставить людям всеобщие естественные права: «А как насчет двух миллионов ваших черных рабов?.. Вы забыли о несчастных индейцах, которых вы не переставая грабите...»

А четырем годами раньше, будучи послом США в Лондоне, Адамс писал в Вашингтон об озабоченности европейцев в связи с бурным развитием амбициозной державы за океаном: «Вся Европа, наблюдающая за гигантским ростом нашего населения и нашей мощи, единодушно полагает, что если мы будем едины, то станем очень опасным членом сообщества наций. Поэтому они надеются и втайне рассчитывают, что нам недолго суждено оставаться единым государством» (с. 3).

В том, что Соединенные Штаты действительно сумеют сохранить свое единство, не было никакой уверенности на протяжении почти всего первого столетия их существования — вплоть до окончания Гражданской

войны в 1865 году. На момент своего рождения в 1776-м США были в высшей степени слабы и уязвимы. Даже после того как британцы потерпели поражение в революционной войне, такая уязвимость сохранялась еще в течение десятилетий. Из покровителя Великобритании превратилась в противника, который оказывал огромное влияние на зарождающуюся американскую экономику. Лондон больше не помогал американцам в защите от Испанской империи, которая фактически контролировала реку Миссисипи — важнейшую артерию континента, связывавшую Север с Югом. Кроме того, слабые Соединенные Штаты были чрезвычайно уязвимы для нападений индейцев в долине Огайо, а также в южном и западном приграничных регионах.

Первая национальная конституция — Статьи о Конфедерации (замененные в 1789 году собственно Конституцией, которая действует в США и по сей день) — оказалась настолько неполна, что, опираясь на нее, было почти невозможно ни мобилизовать вооруженные силы, ни наладить денежное обращение, ни исполнять государственный бюджет. Молодые Соединенные Штаты, будучи первой в мире либеральной торговой республикой, ориентированной на международную торговлю, столкнулись с постоянными нападениями берберских пиратов на их торговый флот. В первое время выживание США зависело от искусного балансирования между противоречащими друг другу интересами более мощных европейских держав и от того, как быстро будет идти становление более сильной федеральной системы на основе новой Конституции, подписанной в Филадельфии. В первой половине XIX столетия главной задачей было сохранить единство нации, которая по вопросу рабства оказалась расколотой на Север и Юг.

Для российской аудитории стоит заострить этот вопрос: выживание Соединенных

Штатов как «суверенной демократии» оставалось под вопросом еще почти целое столетие после их основания. И краеугольные принципы американской демократии рождались и возвращались именно в условиях чрезвычайной слабости и уязвимости страны перед лицом как внутренних, так и внешних угроз. Реальное разделение властей — исполнительной, законодательной и судебной — возникло с самого начала, как и практика состязательных выборов. Очень важно прояснить это, потому что сейчас в России в рамках формирующейся идеологии «суверенной демократии» популярна точка зрения, что государства, сталкивающиеся с серьезными внутренними и/или внешними угрозами, с большей вероятностью эволюционируют в сторону авторитарной системы правления.

Анализ корреляции между степенью угрозы и уровнем авторитаризма — один из главных результатов крупного научно-исследовательского проекта под названием «Политический атлас современности», профинансированного из российских источников и реализованного в 2006-м Московским государственным институтом международных отношений. Журнал «Эксперт» сообщил об этом амбициозном проекте в ноябре 2006 года. Это исследование представляет собой буквально всеохватывающую оценку взаимодействия политических и экономических факторов, а также факторов безопасности в 192 государствах — членах ООН. Результаты исследования стали темой большой конференции, прошедшей в Москве в мае 2007-го, которая была организована журналом «Эксперт», Институтом общественного проектирования и Школой государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете. Некоторые докладчики на этой конференции отметили, что США создавали свою впечатляющую демократическую систему в очень благоприятных и безопасных условиях; то есть

отцы-основатели США могли позволить себе роскошь демократии, потому что внутренние и внешние угрозы для США в то время были не так уж велики. Современное же Российское государство, на взгляд этих авторов, находится в иных, гораздо менее благоприятных обстоятельствах — в условиях глобализованного мира с его жестокой конкуренцией, в ситуации, когда внутренние и внешние враги лелеют планы уничтожения России. В этих обстоятельствах, как предполагают результаты анализа в «Политическом атласе современности», совершенно естественно ожидать от нынешней России, что она будет делать гораздо больший акцент на укреплении суверенитета, нежели на развитии демократических институтов.

Действительно, современная Россия и другие авторитарные и квазиавторитарные государства во всем мире оправдывают недостаточно демократическую природу своих режимов угрозами, которые ощущают их лидеры, однако утверждение, будто американская демократия развивалась при отсутствии серьезных внешних и внутренних угроз, не выдерживает критики. Не впадая в противоречие с реальной историей, наверное, правильно было бы сказать, что и Российская Федерация 1990 годов, и Соединенные Штаты конца XVIII века были слабыми государствами, подверженными внешним и внутренним угрозам, а в экономическом плане — объектами давления со стороны более мощных конкурентов и глобальных экономических сил. Но, как утверждает Кейган, отцы-основатели США искренне считали, что демократическое правление — лучшая гарантия процветания граждан и безопасности страны. И до сих пор, когда со времени принятия Декларации независимости прошел 231 год, а со дня вступления в силу Конституции США — 218 лет, данное убеждение остается неотъемлемой частью американской политической культуры.

Это не значит, что внешняя политика США всегда столь же преисполнена добродетели, сколь и идеалы, на которых она основывается, но из революционных корней, по словам автора, произросли «новая внешняя политика, базирующаяся на универсалистской идеологии, которую породила революция» (с. 40), и твердая вера в то, что судьба Соединенных Штатов тесно связана с либерализмом и республиканскими идеалами как в самой стране, так и за ее пределами. Будь то «оранжевая революция» на Украине в 2004-м, или борьба Латинской Америки за независимость от Испании, или стремление Греции свергнуть турецкое иго в 1820-х годах, внешняя политика США демонстрировала (хотя и не всегда последовательно!) поддержку национально-освободительным движениям и демократии, то есть явлениям, которые современным авторитарным государствам кажутся опасными, особенно если они имеют место вблизи их границ. Что касается непоследовательности американской политики, то она стала очевидна в период холодной войны, когда Соединенные Штаты были вынуждены поддерживать авторитарных лидеров по всему миру, включая шаха Ирана, президента Филиппин Фердинанда Маркоса и многих других, чтобы сдерживать расширявшееся влияние Советского Союза.

Возможно, самый крупный дефект внешней политики США, не считая того, что американцы не всегда действовали в согласии с собственными высокими идеалами, — это то, что Кейган определяет как «разрыв между самоощущением Америки и тем, как ее воспринимают другие, проходящий через всю историю страны». Несмотря на 400-летнюю традицию постоянной экспансии и все более активную вовлеченность в мировые дела, американцы предпочитают считать себя пассивными, безразличными, склонными к изоляционизму. Отчасти такое представление восходит, по-видимому, к знаменитой про-

щальной речи Джорджа Вашингтона, в которой он предостерег тогда еще молодые и слабые Соединенные Штаты от опасности «союзов, связывающих по рукам и ногам» (*entangling alliances*), и именно на эту речь часто ссылались и ссылаются изоляционисты. Однако автор утверждает, что пуритане, и те никогда не считали себя изоляционистами, а иностранцы даже в период наибольшей слабости нашего государства видели в американцах «людей амбициозных и склонных к вмешательству в чужие дела». В наши дни, когда мировая гегемония США, пусть и относительная, является реальностью уже в течение пятнадцати лет, а то и нескольких десятилетий, можно было бы ожидать от американцев более полного осознания того, что остальной мир оценивает их мотивы по большей части через призму американских интересов как отнюдь не бескорыстные.

Между тем Россия должна бы лучше прочих наций понимать американский менталитет, поскольку в истории обеих стран мотивы экспансии и мессианские представления о своей глобальной роли чрезвычайно схожи. Действительно, в то самое время, как Российская империя прирастала Евразией, Соединенные Штаты завладели большей частью североамериканского континента. Причины, побуждавшие защищать всё более протяженные границы, были и в самом деле весьма сходны. Так, Кейган цитирует высказывание, приписываемое Екатерине Великой: «У меня нет иных способов защитить свои границы, как только расширять их». Сам автор в главе под названием «Первые империалисты» пишет: «О России говорят, что она обретает собственную безопасность, лишая безопасности других, но то же самое можно сказать и про англо-американских колонистов, которые в XVII—XVIII столетиях обеспечивали свою безопасность, лишая безопасности, а то и просто уничтожая пекотов, ирокезов и наррагансетов,

французов и испанцев, а во время революции и британцев» (с. 12).

Такое толкование событий приводит Кейгана к заключению, что, возможно, основная проблема российско-американских отношений — это не часто поминаемая «ментальность холодной войны», а скорее то, что и для российской, и для американской внешней политики свойственны сходные психокультурные патологии, которые обусловлены их богатым опытом исполнения «предначертаний судьбы», диктуемых их положением на своих континентах. Это не такое уж обнадеживающее заключение, и я бы не спешил приписывать ему слишком большую объяснительную силу, но все же оно помогает понять, как сходные «белые пятна» в наших представлениях о самих себе часто обуславливают наше взаимонепонимание с последующими циничными и основанными на подозрениях выводами относительно мотивов, опре-

деляющих поведение той и другой стороны на международной арене.

Но что можно сказать вполне определенно, так это то, что в серьезной работе Роберта Кейгана, о которой здесь шла речь, и американцы, и представители других народов найдут весьма необычный взгляд на исторические и идеологические основания внешней политики США. Книга написана прекрасным языком, а точка зрения ее автора аргументирована одновременно сильно и элегантно. Надеюсь, что читателям не придется слишком долго ждать, пока будет завершен второй том этого труда, в котором повествование должно быть доведено до наших дней, то есть до того времени, когда масса аспектов нынешней внешней политики США действительно порождает у многих американцев и неамериканцев ощущение опасности. ■

ЭНДРЮ КАЧИНС

Доминик Ливен. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней.
М.: Издательство «Европа», 2007. 688 с. (Серия «Империи»)

Издательство «Европа» выпустило русский перевод *tagnum opus* Доминика Ливена, одного из наиболее известных и, что не всегда то же самое, одного из наиболее глубоких исследователей истории Российской империи. Перевод в целом неплохой, и все, кто успеет купить один из 1 500 изданных экземпляров, потратят деньги с умом.

В первой части книги Ливен обсуждает феномен империи в мировой истории, во второй более подробно говорит о Британской, Османской и Габсбургской империях, третья часть посвящена Российской империи и СССР, четвер-

тая — ситуации после распада Советского Союза. Пересказывать книгу нет нужды: в Интернете с 2002 года доступен обстоятельный, на 50 с лишним страниц, ее реферат¹.

Первый раз я читал книгу Ливена в 2001-м глазами историка, занимающегося проблематикой империй. Теперь заново посмотрел ее уже как книгу, которая предназначена для широкой читающей публики в России. Ливен, между прочим, с самого начала заявляет, что его работа адресована в первую очередь именно «русскому народу» (с. 18). Первое чтение, когда я смотрел на эту книгу со строго профессиональной точки зрения, оставило смешанное впечатление. Книга,

безусловно, была интересна, но не вполне справлялась с теми задачами, которые автор сам себе поставил. Если под стремлением «уложить историю России в международный контекст» понимать сравнительный подход, то, с одной стороны, верных сравнительных замечаний в книге масса, и несомненной заслугой Ливена является, в частности, то, что он решительно порвал с традицией, согласно которой континентальные империи, в том числе империю Романовых, нельзя ставить в один ряд с империями морскими. Именно его сопоставления Российской империи с Британской оказались весьма продуктивны. Сравнительный подход как способ поставить новые, плодотворные вопросы в этой книге работает успешно. С другой стороны, систематических сравнений (элит, институтов, административных практик и т. д.) в книге нет. Если же речь идет о стремлении показать Российскую империю в системе взаимодействия крупных держав того времени², то и здесь Ливен говорит о массе важных и верных вещей, но я точно знаю, что он мог бы сказать об этом сюжете гораздо больше³. Для того чтобы рассмотрение данной проблематики могло считаться полным, можно было бы отвести больше места дипломатической истории. Иначе говоря, с точки зрения читателя-историка, автор попытался решить в одной, пусть и большой по объему, книге слишком много разноплановых задач.

Вопреки тому, как сам Ливен определил главные цели своей книги, я бы выделил другой аспект его подхода, как особенно важный для историографической ситуации того времени, когда книга писалась, и сохранивший свою актуальность сегодня. Историков, занимающихся имперской проблематикой, можно поделить на две группы. Одни фокусируют внимание на участии империй в «большой» игре великих держав, площадкой для которой выступает весь мир. Другие сосредоточены на вну-

тренней политике империй, на многообразии форм прямого и непрямого правления имперского центра на окраинах, на роли многочисленных национализмов в истории империй на протяжении «длинного девятнадцатого века». Для историографии империи Романовых указанное разделение особенно актуально, причем в последние годы, после распада СССР, маятник явно качнулся в сторону изучения внутренней политики, и акцент делается прежде всего на «мягких» формах осуществления имперской власти. Для этого есть свои резоны, потому что доминировавшие ранее концепции «тюрьмы народов» и неотвратимого «кризиса и упадка» нуждались в корректировке. Но при решении данной вполне легитимной задачи историки как-то стали терять из виду те требования, которые предъявляла к империям их роль великих держав. Ливен возвращает наше внимание к этим сюжетам. Определяя империю как великую державу, одна из главных задач которой состоит в управлении своими разнородными ресурсами, в том числе и людскими, с целью поддерживать военную мощь, Ливен как раз акцентирует взаимосвязь внутренней и внешней политики империй, «мягкой» и «жесткой» составляющих имперской власти. Сам Ливен говорит на этот счет много интересного, но не менее важно то, что его призыв к изучению этой проблематики, кажется, был услышан историками и соответствующие исследования уже начинают появляться.

Вообще, при повторном чтении часто возникали мысли о том, как быстро в последние годы развивается историография империй, Российской империи в том числе. В конце 1990-х годов, когда Ливен писал рецензируемую книгу, сама постановка ключевых для нее проблем была действительно делом весьма важным и во многом новаторским. Сегодня по целому ряду тем, которые в конце 1990-х можно было смело считать

плохо изученными, опубликованы академические исследования, причем зачастую весьма основательные.

В том, как рассмотрена в книге внутренняя политика Российской империи, нередко ощущается подобие скороговорки. Дистанция, установленная автором (не эмоциональная — присутствие эмоциональной дистанции как раз одна из самых сильных сторон книги ⁴), слишком велика: многие нюансы исчезают. Но процент верных наблюдений для такого общего изложения удивительно высок. Часто бывает, что в обобщающих книгах все кажется очень интересно и разумно, пока не доходишь до того раздела, в котором говорится о сюжетах, которыми занимался сам. Тут сразу обнаруживаешь массу ошибок. С Ливеном не так: даже в разговоре о тех темах, которые мне приходилось изучать достаточно подробно, его оценки и сегодня представляются весьма точными и глубокими. Вышедшие с тех пор исследования их, как правило, не отменяют. Но вряд ли читатель непрофессиональный, даже в России, сможет это оценить в полной мере: слишком уж сжато говорятся многие вещи. Смешно, конечно, предъявлять претензии в излишней краткости к книге, в которой без малого 700 страниц, но приходится.

Книга сильно выиграла бы, если б издательство взяло на себя труд подсказать читателю, какие работы вышли, хотя бы на русском языке, по тем или иным кратко упоминаемым Ливеном сюжетам, тем более что на примечания от редактора, в том числе и оценочного характера, издательство не пошло. Однако среди списка тех, кто приложил руку к подготовке книги в печать, блистательно отсутствует *научный редактор*. Помимо добавления ссылок на свежую литературу, научный редактор мог бы подсказать, что в уже устоявшейся русской традиции Уоллестейн пишется как Валлерстайн,

Спорлюк как Шпорлюк, а социолог Манн зовется Майклом, а не Михаэлем, потому что он — англичанин. Весьма обидно видеть эти и другие похожие огрехи, особенно если учесть, какую мизерную сумму по сравнению с общими расходами на перевод и издание книги нужно было затратить на оплату труда научного редактора.

Редакторский путеводитель по свежей литературе — дело в конечном счете факультативное, на усмотрение издателя. Но даже раздел, где сам Ливен дает аннотированную библиографию по теме, в русском издании отсутствует, а это уже простить издателю нельзя никак ⁵. Если даже этот раздел был опущен в более позднем английском издании в мягкой обложке, то претендующее на солидность первое русское издание обязано было его включить. Отсутствие библиографии особенно досадно потому, что книга Ливена — хорошая отправная точка, чтобы начать думать и читать о природе империй и их взаимозависимости в последние века. Пожалуй, в этом качестве введения в тему для нашей читающей публики книга нравится мне больше, чем при первом чтении.

Претензии к издателям этим не исчерпываются. К сожалению, почти нормой стало у нас отсутствие именного и предметного указателей. Это вопиющая недоработка для книги такого объема, в которой разные сюжеты и персонажи истории в рамках сравнений часто возникают вне формально ответственных им глав.

Предисловие директора издательства «Европа» Вячеслава Глазычева, написанное крайне невнятно, несет на себе явный отпечаток спешки. Судя по всему, издателю хотелось, чтобы книга была более точно адресована широкому кругу образованной публики. Так, издательство позаботилось о некоторых подсказках, поясняющих, как книгу следует читать, и задающих читателю определенную тенденцию. Было изменено название: вме-

сто «Российская империя и ее соперники» (а именно так переводится на русский *rivals*) стало «... и ее враги». Кроме того, в русское издание добавлен набор иллюстраций, которые сами по себе весьма занимательны, но работают в том же направлении, что и изменение названия. Это подборка антирусских карикатур из западной прессы XIX века. Без аналогичных русских карикатур на западные державы и карикатур, публиковавшихся в этих державах друг на друга⁶, они производят то же впечатление, что и обзор западной прессы на дружественном издательству «Европа» сайте *inosmi.ru*: что вокруг все — враги и «завистники России», о которых сказано в предисловии Глазычева. О «всегда враждебном России» окружении говорится и в аннотации. Вряд ли этот акцент на «враждебности» отражает взгляды самого Ливена, который как раз замечательно показал, что политика империй, как правило, не руководствуется эмоциями, будь то враждебными или иными. И в этой книге, и в некоторых работах, опубликованных позднее, Ливен, в частности, ясно показывает, что логика геополитического соперничества совсем не случайно вела к тому, что Британия, самый последовательный оппонент России в XIX столетии, была, тем не менее, ее союзницей в обеих мировых войнах.

Вырывать из книги отдельные тезисы для обсуждения не хочется. Отмечу лишь три важные позиции. Во-первых, Ливен весьма убедительно показывает, что положение России в мире зависит не столько от бесконечных споров западников и славянофилов, сколько от глобальной расстановки сил и, особенно сегодня, от позиции более влиятельных игроков на мировой арене. Не Ливен первый это заметил, не он наиболее подробно описал эту проблему, но русское издание его книги, наряду с недавними русскими изданиями книг Имманьюэла Валлерстайна⁷, Ларри Вульфа⁸, Ивэра

Нойманна⁹, донесет, хочется надеяться, этот тезис до умов нашего просвещенного общества. Во-вторых, хочется защитить Ливена от злонамеренных искажений, уже появившихся в некоторых рецензиях, где ему приписали, будто он не видит принципиальных различий между Российской империей и СССР¹⁰. Видит и вполне ясно о них пишет, подчеркивая, что Советский Союз представляет собой особое явление, новую империю, «территориального наследника» Российской империи (с. 455–463). Спор о соотношении преемственности и разрыва между Российской империей и СССР сейчас стал весьма актуален в историографии, и ставки в этом споре крайне высоки как в научном, так и в политическом плане. В данной связи было бы очень важно перевести на русский язык книгу Терри Мартина о советской национальной политике, которая вышла в свет одновременно с книгой Ливена в 2001 году¹¹.

Наконец, отмечу несогласие с одним тезисом Ливена, который, к сожалению, стал жертвой неудачного перевода. Ливен писал о национальных государствах как о «*nemesis of Empire*», что переведено как «историческое возмездие империи» (с. 25). Немезида — не просто возмездие, и если уж искать точный эквивалент, то вернее было бы говорить о могильщиках империи или о ее смертельных врагах. Тезис, в общем, не оригинальный, скорее даже широко распространенный. Жаль, что Ливен его повторяет, потому что сам он приводит весьма убедительные доказательства того, что в действительности в ходе Первой мировой войны сами империи выступили в роли собственного могильщика: они именно уничтожили друг друга, в том числе и путем поддержки националистических сепаратистских движений в лагере противника.

«Российская империя...» — не первая книга Доминика Ливена, выходящая на рус-

ском языке¹². Будем надеяться, что и не последняя, — сейчас он работает над истори-

ей жизни Наполеона. Имперская проблематика явно его «не отпускает». ■

АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://timeandspace.lviv.ua/index.php?module=academic&section=library&libtype=russian&classtypeid=3>

² Было бы неуместно употреблять здесь понятие «международные отношения», поскольку таковые были отношениями вовсе не между народами и/или государствами-нациями, а именно между империями.

³ См., например, его статью «Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада» в: *Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей* / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 71–93.

⁴ Ливен трезво смотрит на империю как на исторически наиболее распространенную форму политической организации больших государств со своими достоинствами и недостатками. Уже в посвящении книги своим предкам как «детям и жертвам» Российской и Британской империй он ясно демонстрирует, что у него нет намерения ни демонизировать, ни прославлять империю.

⁵ Интересующийся читатель может его посмотреть на зеркале старого проекта empires.ru в

Интернете, куда я с любезного разрешения Ливена поместил этот важный раздел вскоре после выхода в свет первого издания его книги (www.saratov.iriss.ru/empires/docs/lieven.doc).

⁶ Все это можно было найти в той же книге Эдуарда Фука, из которой издатели взяли опубликованные карикатуры.

⁷ *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория Будущего», 2006.

⁸ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

⁹ *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.

¹⁰ <http://resource.zvezdatv.ru/?id=136873>

¹¹ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2001.

¹² *Ливен Д.* Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000.

Kelly M. McMann. Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 278 p.

Книга «Экономическая автономия и демократия: Гибридные режимы в России и Киргизии» американского политолога Келли Макманн — во многих отношениях смелый проект. Автор утверждает, что индивидуум «сначала оценивает степень своей экономической самостоятельности» и лишь затем решает, имеет ли смысл «воспользоваться демократическими правами». Тем самым Макманн демонстрирует свою приверженность теории «рационального выбора» (*“rational choice”*), чьи сто-

ронники составляют большинство в области политэкономии и укрепляют свои позиции в политологии в целом. Однако применяемая Макманн методология — серия глубоких этнографических исследований (*case studies*) — нетипична ни для ее сферы деятельности (политология), ни для теории рационального выбора, которой она придерживается. Такой подход достоин одобрения и очень ценен: автор великолепно справляется со своей задачей и показывает, что «рациональный выбор» является частью нашей повсед-

невной жизни, а не только парадигмой, придуманной экономистами.

Кроме того, приятно видеть сильную работу американского ученого-политолога, которая не поддалась модному ныне поветрию — формальному теоретизированию, основанному на количественных показателях, что сводит разнообразные социальные взаимодействия и макрополитические процессы к алгебраическим уравнениям. Сопротивление американского политологического истеблишмента «перестройке» политической науки с количественных на качественные методы исследования и на более тесную связь с социальной конкретикой, привело к прискорбному результату: многие исследователи (в том числе — в какой-то степени — и автор данной рецензии) оказались вытесненными из области политологии в сферу социологии и культурной антропологии. Безусловно, Макманн признаёт, что ее работа испытала влияние известных социологов, в том числе изучающих Россию и посткоммунистический транзит (в частности, Кэтрин Вердери ¹). Тем не менее в своей книге автор остается политологом, и ее труд предназначен в первую очередь для читателей, которых интересует «широкое полотно», а не подробности социальных процессов, подкрепляющие ее анализ. Поэтому сравнительно небольшая книга Келли Макманн не столь насыщена социологическими данными, сколь другие исследования о России, посвященные сходным проблемам ².

К тому же автор в значительной степени избегает и транзитологии с ее склонностью к детерминизму и идее зависимости от предшествующего развития (*path dependency*). В рецензируемой книге собственно теории не так уж много, хотя две главы (2 и 3) и посвящены теоретическим вопросам. Предложенный подход прост и ясен: основываясь на классической работе Роберта Даля «Полиархия» ³, Макманн представля-

ет «восемь условий» демократической системы государственного управления, перечисленные Далем, в виде схемы с указанием причинно-следственных связей между различными компонентами (с. 44–68) ⁴. В результате она приходит к выводу, что краеугольным камнем всей демократической системы является свобода индивидуумов создавать организации и вступать в них. Именно от этого, по ее мнению, зависит устойчивость остальных семи условий: если убрать свободу создания организаций, то вся конструкция рухнет. Хотя автор приходит к такому заключению (может быть, не самым общепринятым способом), ее вывод не вызывает возражений: действительно, трудно представить себе, каким образом граждане могут пользоваться другими своими правами (например, правом на свободу выражения мнений или правом баллотироваться на выборные должности), не обладая правом свободно создавать организации и вступать в них.

Завершив на этом теоретическую часть, Макманн выдвигает предположение, согласно которому именно «экономическая самостоятельность» (по определению автора, степень зависимости либо независимости индивидуума от государственной власти с точки зрения жизнеобеспечения) является основным фактором, объясняющим различные уровни гражданской активности. В свою очередь автор рассматривает гражданскую активность как необходимое условие консолидации процессов демократизации в «гибридных режимах», в которых авторитарное правление уживается с демократическими (электоральными) институтами. Таким образом, объединяя два аспекта своей теории, Макманн формулирует гипотезу, что именно экономическая самостоятельность индивидуума является решающим фактором, который определяет его свободу создавать организации и вступать в них. Если эта гипотеза верна, то в более демократических

регионах степень экономической самостоятельности и уровень гражданской самоорганизации должны быть выше, чем в регионах менее демократических. Для проверки своей гипотезы Макманн выбрала четыре региона в двух странах: Самарскую и Ульяновскую области в России, а также Ошскую и Нарынскую области в Киргизии. Ранее она провела предварительное исследование, результаты которого позволяют предположить, что Самара и Ош более демократичны, чем Ульяновск и Нарын. (Методология всего этого проекта интересна сама по себе, однако для данной рецензии она не столь существенна. Кстати говоря, при выборе регионов Макманн консультировалась с Николаем Петровым — экспертом Московского центра Карнеги.)

Макманн выполнила тщательное и детальное исследование, которое, как правило, отличает диссертации американских аспирантов, чем, собственно, и является рецензируемая книга. Автор по несколько недель жила и работала в каждом регионе, провела интервью с 252 политиками, активистами, журналистами, бизнесменами и другими местными жителями указанных регионов, изучила множество документов, материалов СМИ и других источников. Полученные ею результаты не вызывают удивления. Более высокий уровень экономического развития и диверсификации в Самаре и Оше означает, что там большее число людей может обеспечивать свою жизнь независимо от характера отношений с местными властями, а потому активистам, журналистам и оппозиционным политикам здесь легче противостоять политическому истеблишменту, а иногда даже одерживать победу. В Ульяновске и Нарыне ситуация противоположная. Экономическая отсталость способствует монополизации как политической власти, так и рынка рабочей силы, и тот, кто отваживается на открытое выражение своего мнения или проведение акций протеста, рискует лишиться работы.

Конечно, с таким выводом трудно поспорить, но это не означает, что тем самым он утрачивает свою ценность. Проведя столь доскональное исследование, Макманн оказала огромную услугу тем российским аналитикам, чья аргументация в отношении определяющих политико-экономических факторов гражданской активности до сих пор подкреплялась в основном косвенными доказательствами либо отдельными фактами⁵. Учитывая пристрастие политологов к формальным определениям, а также склонность авторитарных правителей прикрываться формальными демократическими институтами, Макманн напоминает, что не прямое давление и общее чувство неуверенности могут быть более опасными для демократии, нежели прямые репрессии. Такое напоминание и важно, и своевременно. Возможно, в итоге оно поможет нам понять, почему в одних странах оппозиционные движения собирают сотни тысяч сторонников, тогда как в других, казалось бы, очень похожих государствах число сторонников оппозиции ограничивается несколькими сотнями.

Однако читатели, которые с помощью этой книги хотели бы глубже вникнуть в проблемы развития регионов России и Киргизии, наверное, будут разочарованы. Свои полевые исследования Макманн проводила в 1997–1998 годах, то есть до экономического кризиса, который изменил российскую экономику, и задолго до того, как Путин радикально перестроил российскую политику. Мне трудно сказать, насколько серьезные перемены произошли в Киргизии за последние десять лет, но тем не менее вряд ли можно утверждать, что описанная политико-экономическая ситуация в Оше и Нарыне, относящаяся к 1997-му, сохраняет свою актуальность и в 2007 году.

И все же это не умаляет достоинства книги. Макманн не ставит перед собой задачу представить картины региональной

политической жизни в России и Киргизии. Скорее ее цель — проверить наличие причинно-следственной связи, которая, по всей видимости, сохраняется по сей день в странах Евразии и за ее пределами. Тем не менее возникает вопрос, в какой мере результаты исследования подтверждают правоту утверждений автора.

На первый взгляд гипотеза Макманн находит подтверждение в проведенных ею изысканиях (что и было отмечено выше). Однако нельзя не отметить две важные проблемы, связанные с временным аспектом.

Первая состоит в том, что Макманн не отвечает на вопрос, почему регионы, к которым она обращается, именно таковы, каковы они есть. Хотя между экономической диверсификацией и политическим плюрализмом существует довольно устойчивая корреляция, остается неясным, в какую же сторону в действительности указывает стрелка, обозначающая причинно-следственную связь. Теоретические посылы автора (а также ее выводы) предполагают, что экономическая диверсификация способствует политическому плюрализму (и, возможно, порождает его). Вместе с тем Макманн пишет, что экономическое многообразие Самарской области в значительной мере обусловлено политикой либерального губернатора того времени, а вот руководство Ульяновской области мешало проведению экономической реформы и либерализации (с. 150–157). Таким образом, не может ли оказаться, что стрелка причинно-следственной связи указывает в противоположном направлении?

Вторая проблема заключается в том, что Макманн все же не приводит убедительных доказательств своего утверждения, будто индивидуум *сначала* оценивает степень экономической самостоятельности и лишь *затем* решает, принимать ли ему участие в политической жизни (с. 4–5). Здесь вновь результаты исследования противоречат

утверждению автора. Во всех четырех регионах она опрашивала действующих или бывших политических активистов и задавала им вопрос, почему они занялись политической деятельностью и почему отошли от нее (если это имело место). Все респонденты — даже в недостаточно демократических регионах с низким уровнем экономической автономии — пришли в политику *еще до того*, как оценили степень своей экономической независимости (при избранном автором методологическом подходе трудно получить иные результаты).

Однако по большому счету оба указанных критических замечания не вполне справедливы. В первом случае нужно отметить, что Макманн четко характеризует свое исследование как статичное, которое учитывает лишь факты в конкретный момент времени и не ставит своей задачей отслеживать процессы тех или иных изменений. Что же касается второго замечания, то не существует сколько-нибудь эффективной методологии, которая выявляла бы то, как развиваются во времени мыслительные процессы в головах людей, а потому ответы на вопросы интервьюера всегда несут на себе отпечаток эмоций и нечеткости субъективной памяти. Кроме того, в самом начале книги Макманн пишет, что она стремится преодолеть традиционный разрыв между различными теоретическими подходами в политологии, которые уделяют основное внимание *«либо структуре, либо действию (agency); либо элитам, либо массам; либо государству, либо обществу»* (с. 42). Такая установка сулит некоторые издержки в смысле аналитической четкости, однако они с лихвой компенсируются ценностью самой попытки, особенно если эта попытка в целом удачная (как в случае работы Макманн).

Спорные вопросы я поднял здесь скорее для того, чтобы наметить возможные пути дальнейшего исследования. Например, было

бы полезно провести динамическое исследование происходивших перемен, а также изучить, как в реальном времени развиваются процессы гражданской самоорганизации. Чрезвычайно интересным мог бы оказаться вопрос, который Макманн, к сожалению, не затрагивает: какова мотивация людей, активно участвующих в политической жизни?

Макманн многое сделала, чтобы помочь нам понять, почему люди иногда вынуждены отказываться от демократии. Но до сих пор остается непонятным, почему все же некоторые (в особенности в России и других странах бывшего Советского Союза) от нее не отказываются. ■

САМЮЭЛЬ А. ГРИН

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Verdery K. Theorizing Socialism: A Prologue to the "Transition" // American Ethnologist. 1991. Vol. 18. No. 3.*

² *Ashwin S. Russian Workers: The Anatomy of Patience. Manchester: Manchester Univ. Press, 1999; Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. Vol. 1. No. 1.*

³ *Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1971.*

⁴ Вот эти «восемь условий»: 1) альтернативные источники информации; 2) свобода создания орга-

низаций и вступления в них; 3) право быть избранным на государственную должность; 4) право политических лидеров конкурировать за поддержку; 5) свобода выражения мнений; 6) избирательное право; 7) свободные и справедливые выборы; 8) институты, обеспечивающие, чтобы руководство в своей политике ориентировалось на предпочтения избирателей.

⁵ *Аузан А. Гражданское общество как альтернативный способ производства благ // Гражданское общество: Экономический и политический подходы: Рабочие материалы. № 2. М.: Московский центр Карнеги, 2005.*

Ulrike Goeken-Haidl. Der Weg zurück: Die Repatriierung sowjetischer Zwangsarbeiter und Kriegsgefangener während und nach dem Zweiten Weltkrieg: Dissertation. Essen: Klartext Verlag, 2006. 573 S.

Книга Ульрики Гёкен-Хайдль «Дорога назад: Репатриация советских оstarбайтеров и военнопленных во время и после окончания Второй мировой войны» представляет собой переработанную версию ее диссертации, защищенной в 2003 году во Фрайбургском университете у профессора Ульриха Херберта. Она открывается сценой самоубийства старшего лейтенанта Якова Джугашвили, сына Сталина. Причем автор всячески стремится внушить нам, что в смертный страх и отчаяние Якова ввел знаменитый приказ № 270 от 17.8.1941, изданный его отцом. Позволю себе усомниться в этом. Дело даже не в том, что Яков Сталин

попал в плен 17 июля, то есть за месяц до появления упомянутого приказа. Главное в другом: немцы поставили Якова в безвыходное положение, опубликовав его фотографию на своих пропагандистских листовках и тем самым поставив под сомнение его офицерскую честь. Не имея оружия, чтобы покончить жизнь самоубийством, он вынудил охранника застрелить себя. Поэтому сближение автором нескольких десятков самоубийств коллаборантов при их выдаче победившей стороне с гибелью Якова Сталина не только некорректно, но и тенденциозно: это был случай совершенно иного рода.

Вместе с тем Гёкен-Хайдль пытается представить дело так, будто западные союзники Москвы аж до 1945-го были не в курсе советской политики в отношении ее собственных военнопленных. Но приказ № 270, симболизовавший эту политику, не относился даже к разряду секретных (гриф «Без публикации»). Более того, его размножили типографским способом и зачитывали в армии (до роты включительно), то есть практически всему личному составу. Как правило, союзники были в курсе и более строго охраняемых тайн. Немцам приказ стал известен уже осенью 1941 года, и наивно думать, что союзники впервые узнали о нем только из допросов советских коллаборантов и военнопленных в 1945-м.

Между тем именно на этом сомнительном допущении по большей части держится скрытая концепция книги: цивилизованная, корректная и приверженная праву политика англичан и американцев в вопросах репатриации столкнулась с дикой и наглой, по сути, шантажистской и лишеной всякого правового обоснования односторонней политикой Советского Союза. Такая концепция пришлась бы ко двору во времена холодной войны, но с действительностью она имеет, увы, мало общего. На деле насильственная репатриация советских граждан (начиная от идеологии ялтинских соглашений и кончая их последовательным и жестоким воплощением в жизнь) явилась продуктом совместного «творчества» Советского Союза, Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. До такой степени совместного, что это заставило меня прийти в конце концов к выводу: мою собственную книгу о репатриации советских граждан следовало бы назвать не «Жертвы двух диктатур», а «Жертвы двух диктатур и двух демократий». По цинизму и жестокости последние уступали Советам, а вот по вероломству превосходили (достаточно вспомнить выдачу казаков в Лиенце).

Весьма нечеткое, если не сказать смутное, определение того, что такое «советский гражданин», в ялтинских договорах, конечно же, не случайность. Это было выгодно не только советским, но и западным партнерам, которые в одночасье вдруг изменили свою политику в вопросах репатриации в СССР осенью 1945 года, после того как их собственные пленные вернулись домой. Перед этим, правда, союзники активно поучаствовали в репрессиях против миллионов советских и несоветских (включая и царских генералов) граждан. А вот осенью у них вдруг открылись глаза и они начали произносить высокие, благородные слова и делать красивые жесты.

Действительную заслугу Гёкен-Хайдль я вижу в том, что она прочно связала вопрос о репатриации англо-американских военнопленных с репатриацией советских граждан. Для западных союзников судьба их собственных военнопленных всегда была в отношениях с Москвой чем-то вроде ахиллесовой пяты. Советский Союз такой «слабины» не имел, и в этом заключалась сила его позиции в двусторонних переговорах с союзниками по самым разным вопросам, а не только о взаимной репатриации. Не раз и не два СССР выходил победителем, хладнокровно используя вынужденную сговорчивость союзников (например, вопросы о послевоенных границах в Польше и на Дальнем Востоке).

Страницы, посвященные репатриации американских и английских солдат и офицеров, — одни из самых интересных и уж, несомненно, самых оригинальных в книге. Поначалу даже кажется, что именно эта тема будет сквозной. Фактически перспектива всей первой главы — это англо-американский взгляд на проблему репатриации их собственных военнопленных. Пересказ же истории о том, как бывшие советские коллаборанты попадали в английские и американские лагеря, и обсуждение различий в бри-

танской и американской политике (англичане, как правило, на месяц-другой раньше американцев становились на путь поддакивания Советам) не содержат решительно ничего нового по сравнению с работами предшественников (в частности, Николаса Беттела и Николая Толстого-Милославского).

Во второй главе, посвященной реализации ялтинских соглашений, показан масштаб задач, стоявших перед атлантическими союзниками. На первый план здесь выходит асоциальное поведение советских перемещенных лиц, не чуждавшихся грабежей среди мирного населения, причем неважно, происходило ли дело в Германии или, скажем, во Франции. Но забавно, что перемещение советских граждан союзниками поглубже в тыл и подальше от линии фронта Гёкен-Хайдль трактует как технологически необходимые меры, а аналогичные действия советских властей — как козни и торпедирование репатриации. Такого рода склонность к двойным стандартам, к сожалению, характерна для автора.

Мало что меняя в сложившейся общей картине репатриации в Советский Союз, рецензируемая книга, тем не менее, добавляет много важных деталей и новых красок. Отмечу как удачу живое и пластичное описание подготовки и самих переговоров в Галле в мае 1945 года, на которых снова, как и в Ялте, торжествовала не союзническая гибкость, а замешанная на шантаже советская прямолинейность.

Третья глава посвящена сотрудничеству, не избежавшему конфронтаций и конфликтов, между союзниками по ходу репатриации. Описание случаев нарушений американской или британской стороной договора в Ялте, контррепатриационной пропаганды и т. п. составляло львиную долю ежемесячных отчетов различных советских миссий, занятых репатриацией. Накапливаясь в мидовских кабинетах, они в конечном счете

выливались в дипломатические ноты и заявления, вынуждая союзников скрупулезно отвечать на каждый пункт претензий и требовать уточняющих деталей, на что советская сторона, как правило, уже не реагировала. Опираясь на западные источники, автор отмечает, что репатриационные органы Советского Союза работали не так уж хорошо и слаженно, как можно было бы предположить, основываясь только на их собственных отчетах. Так, многие переходные пункты на демаркационной линии (Плауэн—Хемниц, Висмар, Магдебург и др.) вместо запланированных 5 тыс. человек в день были способны принять не больше 1,5—2 тысяч.

Достоинство положительной оценки и то, что Гёкен-Хайдль не уклоняется от освещения некоторых смежных вопросов, например проблем ухода за могилами бывших военнопленных, интернациональных браков либо советской шпиономании. При этом, правда, она постоянно возвращается к разоблачению советских репатриационных офицеров, а заодно дипломатов и членов торговых миссий — предположительно агентов различных советских разведок и других спецслужб. То, что с противоположной стороны все было совсем иначе, то есть исключительно честно и сугубо по-джентльменски, кажется ей само собой разумеющимся.

В специальной главе, посвященной особо примечательным выдачам советских репатриантов американцами, содержится немало интересного и даже нового — в частности, это касается репатриационной политики СССР и США на дальневосточном театре военных действий, а также натурализации в США и Англии многих военных преступников, в том числе служивших в частях СС. Но основной упор сделан, естественно, на выдачу коллаборантов с американской территории, а также из Германии и Австрии (Кемптен, Дахау, Платтлинг и др.). Этой теме посвящена обширная литература, но автор

доверяет только американским источникам, хотя содержащиеся в них сведения и свидетельства не вносят серьезных коррективов в имеющиеся представления.

Три главы (с пятой по седьмую) посвящены ходу репатриации, процессу фильтрации и реинтеграции репатриантов в послевоенное советское общество. Автор хотя и вводит в научный оборот кое-какую эмпирику, но не добавляет ничего принципиально нового ни к структурированию репатриации, ни к ее хронологии, ни к интерпретации. Наоборот, трактовки спецконтингента в книге страдают произвольной, необоснованной расширенностью. Однако то, что акцент сделан на принудительном труде, представляется вполне оправданным.

Самое интересное Гёкен-Хайдль припасла напоследок — это статистика. Крошечная глава, посвященная ей (с. 545–550), радикально пересматривает принятые цифры и содержит в себе на первый взгляд серьезный полемический заряд. Речь идет не об итогах репатриации, а о ее структуре. Тут-то и оказалась востребованной расширительная трактовка спецконтингента. Сгодились даже цифра в 157 тыс. военнотрудовых приговоренных к расстрелу!

Тех, кто находился в распоряжении НКВД, автор считает отдельной категорией, долженствующей быть приплюсованной к спецконтингенту. Еще один смелый шаг: в ту же «корзину» попадают и все те, кто проходил через проверочно-фильтрационные лагеря. Мобилизуя для своих целей все что только можно, греша двойным счетом, Гёкен-Хайдль прибавляет к общей цифре даже часть ремобилизованных, полагая, что среди них и были ранее репрессированные контингенты (штрафники). В результате, основываясь практически на тех же данных, которыми оперировали Виктор Земсков и автор данной рецензии (сделанные нами выводы представляются Гёкен-Хайдль чересчур осторож-

ными), она приплюсовывает к ним дополнительно еще ряд цифр и, не тратя времени на их обоснование или пояснение, выходит на суммарный показатель в 3 067 тыс. человек, что соответствует 57 проц. от общего числа репатриированных.

Разумеется, к любой опубликованной цифре либо таблице нужно относиться критически, но не так же! Зато автор получает в итоге цифру, которая ей импонирует, возвращая нас к одному из перечеркнутых историей мифов холодной войны: советских репатриантов на родине или расстреливали, или ссылали в Сибирь. И это довольно симптоматично. Гёкен-Хайдль, конечно, отдает себе отчет в том, что она не первая, кто берется за исследование этих вопросов. Но ее манера обходиться с предшественниками весьма своеобразна: она их, как правило, не замечает, а если и замечает, то лишь для того, чтобы вступить с ними в маленькую и победоносную дискуссию по какому-нибудь пустяку. Для нее особенно характерны упреки в отсутствии ссылок на источники (под такими она почему-то понимает только архивные источники — публикации ее не устраивают), а вот Толстого-Милославского она корит еще и за то, что он дает ссылки, например, на собственное собрание сочинений (см. с. 332–334). Мало того что эти упреки малосовместимы друг с другом — как оказывается, и сам автор впадает в оба греха, ссылаясь, с одной стороны, на журнальную публикацию без архивных ссылок, а с другой стороны, на свой собственный архив. Правда, лежат в этом архиве вещи несколько странные, вряд ли оригинальные и наверняка не авторизованные. Такие, как дневник (точнее, воспоминания) бывшего военнопленного-врача Ф.И. Чумакова (кстати, опубликованные в 1995-м, о чем автор, судя по всему, не знает. См.: Немецкий плен глазами врача: Воспоминания Ф.И. Чумакова / Публ. М.Г. Николаева // Отечественные архивы.

1995. № 2. С. 67–88) либо весьма приблизительный протокол эмоционального выступления Арсения Рогинского в Кёльне в 1991 году о фильтрационных делах (см. с. 387, 469).

Кстати, об архивах. На с. 18 Гёкен-Хайдль уничтожительно высказывается о российских архивах. Катастрофические условия, в которых они хранятся, все же не следует отождествлять с проблемой их открытости или закрытости. Как раз на середину 1990-х приходится максимум открытости. Но уж в любом случае стоило бы поинтересоваться, как называются сегодня те архивы, с которыми ты так славно поработала. Уже много лет как ЦХИДК и РЦХИДНИ реструктурированы либо переименованы соответственно в РГВА (Российский государственный архив) и РГАСПИ (Российский государ-

ственный архив социально-политической истории).

Рассматриваемая здесь книга, вышедшая в 2006 году, была в основном написана еще в 1999-м, о чем недвусмысленно говорит список цитируемой в ней литературы, и особенно ссылка на книгу Штефана Шрёдера (увидела свет в 2000-м) как неопубликованную. В этом списке самые поздние публикации относятся к 1999–2000 годам, исключение составляет пара отсылок на работы 2001-го (Полян) и 2002-го (Райнхард Отто). Это не говоря уже о таких «пустяках», как ошибки в именах или названиях. Как и о том, что в солидной, без малого 600-страничной книге нет ни именного, ни географического указателей, — явление для Германии исключительно редкое. ■

ПАВЕЛ ПОЛЯН